

1866 г. неверно воспроизведенных писарем слов и соответственно возврат к автографу говорят о том, что М. А. Дмитриев сверял писарскую копию ПД с автографом. Например, у И. И. Дмитриева было; «Канцлер же от обоих был *отменен* ...», писарь прочел это как «*отличен*», а М. А. Дмитриев напечатал опять же «отменен» (Взгляд на мою жизнь. М., 1866, С. 182. Здесь и далее курсив наш. — Е. Л., Е. Ж.). Вызывают недоумение случаи, когда писарская копия ПД совпадает с автографом, а в издании 1866 г. при этом печатается какой-то иной, новый вариант; в автографе и в писарской копии ПД читаем: «Пред самым *отбытием* Государя ...», а в издании 1866 г. — «*отъездом*» (С. 206). Или в автографе и писарской копии ПД: «поверенный *предъявляет* притязания свои на часть владения ...», в издании 1866 г. — «*объявляет*» (С. 207). Такие исправления — а они многочисленны — можно считать просто редакторским вмешательством издателя, пожалуй, иногда смутно объяснимым. Например, Дмитриев рассказывает о М. М. Сперанском: «Тогда он был *на самой высоте счастья* ...». В писарской копии ПД мы, однако, читаем: «на самой высоте случайности». И наконец, в издании 1866 г. с удивлением обнаруживаем: «...на *самой высокой случайности*» (С. 198).

По каким-то тонким соображениям в автографе нет подробностей встречи Дмитриева с Государем после удаления Сперанского от двора. Однако мы находим эту сцену и в писарской копии ПД, и в издании 1866 г.: «Теперь остается мне передать то, что сказано мне было самим Государем на счет Сперанского. После его удаления два раза отказано мне было в личном докладе; в третий же допущен в кабинет, и Государь, при входе моем, изволил сказать: «Не сердись, что я два раза не принимал тебя: причиною тому вся эта пакостная история» — и тотчас стал мне рассказывать, что Сперанский, за две комнаты от кабинета, позволил себе в присутствии близких к нему людей опорочивать политические мнения (кстати, в писарской копии ПД — «меры», а не «мнения». — Е. Л., Е. Ж.) нашего правления, ход внутренних дел и предсказал падение Империи ...» см. с. 196 — фрагмент цитирован нами не полностью).

Та же ситуация — в описании торжеств по случаю подавления восстания Пугачева и заключения мира с Турцией: «... по крайней мере, не стыжусь и теперь с поэтическим участием повторить последнее двустишие из послания, поднесенного на этот случай знаменитому полководцу столь несправедливо забытым ныне Петровым. Вот как сильно и кратко изобразил поэт могущество Екатерины:

Речет, да гибнет враг: и сходит быстро месть!
Да грянет гром: гремит! да будет мир: и есть», (с. 30).